

Социальная структура и трансформации: памяти Т.И.Заславской

Я не тешу себя надеждой, будто нам удастся в итоге дать некую сумму утверждений, достаточно полно характеризующую роль и место Татьяны Ивановны в становлении и перспективах нашей науки. Но бессодержательных констатаций постараемся избежать, поддерживая разговор о фигуре ученого, стоящей сама по себе и наособицу, в стороне от новомодных интеллектуальных течений — участь явно немногих.

Для меня лично три обстоятельства конституируют ее научную репутацию. Во-первых, непрерываемое соотнесение теории и эмпирии, заинтересованное вопрошание, обращенное к эмпирии, и постоянная расположенность корректировать концептуальные построения. Во-вторых, способность, отчасти, быть может, врожденная, но и, особенно после 1970-х годов, намеренно ею культивируемая, — способность удерживать в поле научного зрения неоднородные множества во всей сложности отношений и связей между ними, институционально и культурно обусловленное совместное существование несхожих людей, которое мы не очень точно называем “обществом”. В-третьих, предъявление в качестве конечных продуктов исследований не только убедительных ответов, но и выявленных проблемных ситуаций, головоломок, стимулирующих дальнейший поиск и размышления, знак истинно профессиональных взаимодействий между ученым и его объектом.

Начиная с “Новосибирского манифеста” Татьяна Ивановна открыто обдумывает возможности выхода из костенеющей конструкции по имени “социализм” с его неприкрытым пренебрежением к потенциалу позитивного действия индивидов и групп. Отсюда ее устойчивый интерес к центральной проблематике процессов трансформации — социальной структуре общества в рамках деятельностно-структурного подхода. И тут мы имеем впечатляющий пример того, как подобает работать в науке, не приглушая гуманистической тональности. Сначала определяется ситуация, сложившаяся после разного рода общественно значимых преобразований. Затем перечисляются основные внутренне неоднородные структурные элементы и дается их номенклатура (напомню — 4 слоя и 14 групп). Эти элементы, во-первых, являются действующими инстанциями и, во-вторых, им приписываются некие ресурсы и возможности (Татьяна Ивановна называет их “потенциалом”), силы и средства позитивного созидания, некие гении социальной эффективности. Именно в ее работах, насколько мне известно, необходимость новой социальной оптики с большим, нежели прежде, разрешением была обоснована наиболее акцентированно и настойчиво. Выявлены также самые общие предпосылки “включения” потенциала, правила высвобождения этих гениев для выполнения работы, к которой они вроде бы предназначены. После этого созданная конструкция вновь соотносится с наблюдаемыми фактами и событиями на предмет достоверности и подлинности — так создавалась знаменитая схема социальных преобразований, конструкция насколько объяснительная, настолько же обозначающая перспективные “поля” эмпирических разысканий.

Весьма показательны в данном отношении как статья “Социоструктурный аспект трансформации российского общества”, опубликованная в журнале “Социологические исследования” (2001, № 3, с.3–11), так и обобщающий эмпирический анализ социальной структуры России по материалам ВЦИОМа в середине 1990-х годов. В конце упомянутой статьи констатируется, что элементы структуры действуют безотносительно к своим “потенциалам”, а надежды следовало бы возлагать на элиты, но ей лично, принимая во внимание уже обозначившиеся тренды трансформации российского общества, это видится бесперспективным. Разумеется, легко, особенно по прошествии первого десятилетия очередного века, расслышать обертоны разочарования: ход вещей заметно отклоняется от предпочтительного и желательного.

И вот что, думается мне, это еще может означать: социальная структура приходит в некое новое состояние, а вот произвольно или намеренно — предстоит изучать. Исследователь, придерживаясь правил и принципов структурного анализа, фиксирует социальные слои и категории, но на вопрос о том, складываются ли они в структуру, то есть в устойчивое сетевое или иерархизированное образование, имеющее целью общее благо на основе экономической эффективности, правомочен, скорее всего, отрицательный ответ. Ведь по видимости, и не исключено, что по сути общности относительно независимы друг от друга, привнося в невероятность совместного бытия новые оттенки. Обладая подвижностью с некоторыми степенями свободы в пространстве рисков и неопределенностей, они, инкапсулируясь, образуют “социальную пену”, агрегатное состояние без формы, одновременное, но глубоко разделенное сосуществование, в котором найдется место агрессивной взаимной вражде и холодному межгрупповому безразличию, где, а в общем-то, обнаружимы также измерения пространства, пригодные для того, чтобы договариваться, а в идеале — чтобы вдохновлять друг друга. Однако в составе “пены” само- или принудительно изолированные коллективные анклавы не действуют, ориентируясь на значимых других, то есть стратегически, как о том свидетельствуют эмпирические наблюдения в отечественных и некоторых смежных географических пределах. Дела обстоят так, словно присущие им гении перспективной социальной эффективности внезапно обессилили, причем о сопричастности или обязывающей со-ответственности можно только догадываться, но не твердо знать. Иной “эксперт”, ознакомившись с подобными заключениями, поспешит с вердиктом о терминальном состоянии структуры и общества, преддверии социального краха, а иной, менее радикальный, заявит: реальность явно абсурднее и тривиальнее наших терминологических построений.

Татьяна Ивановна всегда была чужда подобным, фальсификаторским по смыслу, алармизму и интеллектуальной анемии. Исходное допущение всей ее научной работы, как представляется это мне, состоит в том, что общество в целом и вся его морфология пребывают в метастабильном состоянии: они принципиально переводимы в иное метастабильное состояние и не подвержены самораспаду — такое событие применительно к основным формам человеческого общежития она решительно относит к разряду невозможных. Но тогда ученому просто неприлично ограничиваться указанием на то, что наглядные геометрические фигуры или иерархии, наличествующие в текстах статей о стратификации, искажают реальность или плохо ре-

презентируют ее, что воплощается в непредвиденные тренды. Надлежит выяснить, почему социальная структура не обретает устойчивую агрегатную форму, то есть не становится структурой. Каковы институциональные причины отключения позитивного потенциала действия групп при сохранении метастабильного состояния? Поправима ли такая ситуация или же она обрела статус непреложного экзистенциала, длящегося условия жизнедеятельности индивидов и сообществ? Таковы три как минимум вопроса, поиск ответов на которые фактически предложен Татьяной Ивановной следующему поколению исследователей структуры и неравенств.

Те ушедшие, кто лучше нас, вручили нам столь многое, что в щедрости с ними не сравняться. Но продолжая в том же духе только и можно окончательно не остыть к культуре научного труда в обществоведении и хоть что-то противопоставить постоянно наличной тенденции ее обесценивания.

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

*доктор социологических наук, профессор,
заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины*